

МУКИ КОММУНИКАЦИИ

В.И. Гладышев, Р.В. Пеннер

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Аннотация. Объектом исследования является феномен общения в контексте медиа. Предметом – проблема гармонизации общения в условиях медиасовременности. Авторы начинают своё исследование с того, что анализируют феномен «цифровых аборигенов», нарушающий многовековую традицию формирования и передачи знания от старшего поколения младшему. Рассматривая общение как взаимодействие, авторы выделяют следующие его черты, узловые в контексте исследования: вербальная природа общения; свобода и ответственность коммуниканта за поле общения и свою роль в нём; общение как необходимая форма существования *homo sapiens*; общение как взаимовыгодное взаимодействие между людьми. Обращаясь к феномену медиа, авторы останавливаются на следующих эффектах медиа в реальности: ускорение информации; упрощение информации; «растворение» человека в информационном потоке. Методология исследования включает в себя общенаучные методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, обобщение, абстрагирование. Кроме того, проведена методологическая процедура концептуализации. Особым вкладом авторов исследования является выделение коммуникативных требований, предъявляемых «новой» реальностью к человеку, попадающему в ситуацию общения. Среди них следует обозначить: эмоциональное подкрепление; избирательность в общении; преодоление нарциссизма и конформизма; толерантность в общении; коммуникативная активность и привлекательность субъекта общения; компетентность в общении.

Ключевые слова: общение, взаимодействие, медиа, медиа-современность, цифровые аборигены, цифровые иммигранты, компенсаторное общение, культура общения, эффекты медиа, информационное поле.

Abstract. The object of research is the phenomenon of communication in the context of media. The subject is the problem of harmonization of communication in terms of media-modernity. The authors begin their study with analyzing the phenomenon of "digital natives" who violates the centuries-old tradition of generating and transmitting knowledge from elders to youth. Considering communication as the interaction, the authors identify the following features of it, which are the key in the context of the study: the nature of verbal communication; communicant's freedom and responsibility for the field of communication and his (her) role in it; communication as a necessary form of existence of *homo sapiens*; communication as a mutually beneficial interaction between people. Addressing to the phenomenon of media, the authors dwell on these effects in the media reality: the acceleration of information; simplification of information; "dissolution" of human in the information stream. The research methodology includes scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, abstraction. In addition, the procedure is carried out methodological conceptualization. A special contribution of the authors of the study is to identify communication requirements for the "new" reality to a human who is falling into a situation of communication. Among them should be marked: emotional reinforcement; selectivity in communication; overcoming narcissism and conformism; tolerance in communication; communicative activity and the attractiveness of the subject of communication; competence in communication.

Key words: compensatory communication, digital immigrants, digital aborigines, media-modernity, media, interaction, communication, culture of communication, media effects, information field.

В одном из своих последних выступлений перед научной аудиторией М.К. Мамардашвили высказал мысль о том, что человек является искусственным существом. Человеком становятся, а не рождаются. Становление человека происходит в сложном сочетании процессов обучения, социализации, воспитания и общения. Последнему из названных процессов в философской традиции уделено особое внимание. Проблема общения всегда была в центре внимания философов,

деятели культуры, теологов и пр., но особую значимость она приобретает в современном мире, «сегодня», в технизированной реальности, обуславливающей калькулирование (М. Хайдеггер). Общение современного человека осуществляется в условиях турбулентного мира (Э. Тоффлер), когда всё подвержено мгновенному изменению, в иных случаях, разрушению. В подобной деструкции всё меньше времени остаётся на осмысление человеком человеческого: нет времени на понимание самого

себя, нет его и для «проникновения» в Другого. И, главное, есть ли желание это осуществлять. На смену «живым» словам пришли «мёртвые» штампы, функционально-ролевое общение стало доминировать над личностно-ориентированным. Манипулятивные компоненты общения усиливаются за счёт популяризации среди широкой публики сведений о технологии манипулятивного поведения и нейролингвистического программирования личности. Но проблема состоит не только в этом. Мир изменяется и усложняется. Положение человека в этом мире нестабильно. Общению сложно выстоять в мире тотальной коммуникации. Виртуальное общение «вытесняет» реальную «встречу» Я и Ты.

Тема культуры общения не нова. Многие исследователи обращали пристальное внимание на различные разрезы обозначенной темы. В последнее время всё реже встречаются труды, посвящённые всестороннему осмыслению проблематики культуры общения и всё чаще работы о частных аспектах заявленной проблематики: о культуре делового и профессионального общения (Ю.А. Давыдова, В.Н. Левина, Н.В. Курилович и др.), о культуре межнационального и межконфессионального общения (Х.Х. Биттуев, Л.Г. Сахарова, А.Б. Князев), об иноязычной культуре общения (Т.А. Ивушкина, О.М. Осиянова, Н.Л. Соколова). Особое внимание в рамках данного исследования стоит уделить тем немногочисленным работам, что посвящены культуре общения как таковой. Одна из популярных точек зрения была выражена немецким исследователем Г. Ершофф [2], перефразируя И. Берлина, позицию которой можно выразить следующей диадой: общение «от» и общение «для». Причём, как кажется, сама Г. Ершофф отстаивает позицию общения «от», а культуру общения воспринимает как непосредственный набор правил и ограничений, организующий пространство для жизни. В свою очередь, авторы данной статьи отстаивают позицию общения «для», воспринимая культуру общения не как жёсткий механизм правил, а как способ гармонизации бытия человека в эпоху сетевых медиа.

С внедрением в мир XX-XXI вв. медиа нужно проанализировать изменившиеся структуры бытия, понять, как эти изменения повлияли на бытие человека [6]. Современный человек живёт в эпоху сетевых медиа. Из этого не стоит делать выводы о том, что тем самым человек полностью и безвозвратно погружается в виртуальную реальность и окончательно теряет связь с внешним миром (что продемонстрировали кинокартины «Матрица», «Экзистенция», «Видеодром» и др.). Работа, учёба и досуг современного человека как ключевые составляющие его бытия переместились в мир медиа и, прежде всего, в Интернет. То, что современные

дети есть «цифровые аборигены» (М. Пренски), – явление вполне закономерное. Это явление не стоит критиковать, критика не результативна. С этим феноменом следует работать. Одним из приоритетных направлений работы должна стать организация продуктивного общения личности и формирование у неё таких слагаемых коммуникативной культуры, которые помогают ей успешно овладеть современной коммуникативной ситуацией.

Прежде чем перейти к вопросу о культуре общения, необходимо кратко изложить наше понимание общения в контексте рассматриваемой нами проблемы. Выявляя сущность общения, следует иметь в виду, что наиболее аутентичным способом его рассмотрения выступает *антиномический подход*. Впервые это наиболее отчётливо выразил С.Л. Франк в своём определении общения как «... взаимопроникновения при раздельности-взаимопроникновения раздельного» [19, с. 370]. Поэтому общение понимается нами как вид деятельности (общение ради общения, т.е. ради тех ценностей, которые в нём заключены) и как подсистема всех видов деятельности (общение, «вплетённое» и в предметную деятельность и обуславливающее её). Понятие «общение», по нашему мнению, охватывает любые межсубъектные взаимодействия: прямые и косвенные, непосредственные и опосредованные, реальные и воображаемые; причём как социально положительные, так и негативные, вызванные «злостными переживаниями». Родовым по отношению к понятию «общение» выступает философская категория «взаимодействие». Общение с необходимостью подразумевает взаимодействие двух и более людей. Только в результате общения человек постигает Другого в качестве Ты. Общение есть субстанция человеческого бытия. Если перефразировать Ж.-П. Сартра, то человек обречён на общение даже в условиях строгой сенсорной депривации. В этом случае происходит «самообщение» (К. Станиславский) или аутокоммуникация. Однако отнюдь не всегда в результате общения устанавливается гармония человека с миром. Одиночество – постоянный спутник общения. Оно также как и общение имманентно нашей природе, имеет неодинаковую степень остроты и может выступать в латентных формах [4]. В отличие от общения одиночество не субстанционально. Оно выражает качество нашего общения и, часто, в этой связи, неудовлетворённость жизнью. Переживание одиночества означает, что наши ожидания относительно общения с миром, будь то мир людей или духовных сущностей, не оправдались. Не следует смешивать одиночество с уединением. Уединение человек выбирает свободно, одиночество не является результатом сво-

бодного выбора. В контексте нашего исследования хотелось бы сделать ещё несколько замечаний относительно некоторых важных свойств общения.

Во-первых, общение в отличие от иных форм взаимодействия имеет выраженную вербальную составляющую. Это положение, в свою очередь, ни в коей мере не умаляет значения невербального общения. Вместе с тем, именно вербальный знак утвердил уникальность ситуации человеческого общения.

Во-вторых, общение, если иметь в виду его вербальную составляющую, предоставляет нам значительную свободу. Но отнюдь не абсолютную свободу. Достаточно вспомнить концепцию И. Канта о необщительной общительности и рассуждение И. Ильина об общении в широком смысле слова, каковым является непреднамеренное и произвольное, полусознательное переживание всякого присутствия двух людей в одном месте. С учётом этого уточнения, второе положение указывает на то, что мы как акторы относительно свободны выбрать ситуацию общения и тех, с кем готовы вступить в интеракцию. Свобода общающихся подразумевает ответственность коммуниканта за поле общения и свою роль в нём.

В-третьих, общение логично воспринять как необходимую форму существования *homo sapiens*. Люди вступают в ситуацию общения, дабы не утратить человеческую природу. Но следует оговориться, подобное положение соответствует западной мыслительной традиции. Для восточной мысли, в свою очередь, характерна вербальная аскеза как один из путей отказа от желания, путь духовного просвещения.

Наконец, общение есть взаимовыгодная интеракция. Безусловно, зафиксированы случаи, когда люди вступают в ситуации общения, не получая ничего взамен. Однако не каждый коммуникативный акт можно назвать общением. Между тем, в любой коммуникации сегодня человек получает новую информацию, в том числе, избыточную и ту, которая для него неактуальна.

Обозначенные позиции создают лишь набросок того, что есть общение. В дискурсе медиа черты этого наброска усложняются, обретают характер ризомы, становятся хаосматичными. С обозначенным тезисом резонируют идеи медиафилософской традиции. Медиафилософия рассматривает медиа не только как средство передачи информации, но как среду, в которой обитает современный человек. Медиа из информационного средства превратились в сферу бытия человека. Это оказало непосредственное влияние на специфику существования человека XXI в., в том числе, повлияло на форму и характер общения. Поэтому, размышляя о культуре общения сегодня, следует задаться вопросом о фор-

мировании условий и предпосылок для гармоничного общения, адекватных медиасовременности.

Проблема осмысления медиа является краеугольным камнем в гуманитарной мысли. Можно обозначить следующие эффекты медиа в реальности: ускорение информации; упрощение информации; уподобление человека информации; «растворение» человека. Попытаемся разобраться в этих эффектах. Ускорение информации кажется интуитивно понятным в сравнении с остальными. Мгновенная передача информации посредством телефонии и Интернета предельно сократила расстояние между людьми. По факту, для общения Я – Ты (М. Бубер) людям не нужно быть сегодня в едином пространственном измерении, они могут быть разделены километрами, сохраняя, вместе с тем, отношение друг к другу как к Ты. Информация обновляется и самообновляется. Обновление происходит в предельно короткие сроки. Современный человек, в свою очередь, обязан следить за актуальной информацией. С необходимостью это приводит к редуцированию и формы, и содержания. Немногие сегодня способны «похвастаться» своим знакомством с оригиналом «Сотворения Адама» Микеланджело или «Моны Лизы» Л. да Винчи. Однако подавляющее большинство знакомо с копиями, блуждающими по Интернету или осевшими в печатных изданиях. Некоторые начинают знакомство с произведением высокого искусства даже не с точной копии, а, например, с демотиватора, нередко противоречащего оригиналу. Это *reductio*, но именно благодаря искаженной копии Интернет-пользователь вступает в общение с искусством. Парадоксально то, что иногда именно знакомство с копией порождает у человека чистое эстетическое наслаждение. Н.М. Зоркая в одном из своих исследований приводит пример с советской школьницей, разочарованной оригиналом «Моны Лизы». Не та загадочная улыбка, потаённая в стенах Лувра, заставила юную девушку проникнуться творчеством великого мастера. Небольшая советская открытка или репродукция в журнале, доступная тысячам, а то и миллионам других советских граждан, побудили молодое сознание к поиску прекрасного.

М. Бубер чётко разграничил две формы отношений человека к миру: Я – Ты и Я – Оно. Обращаясь к Ты как равному самому себе, обращающийся не ищет выгоды в ответ. Коммуникативные потоки сегодня ставят эту истину под вопрос. Общение с неблизкими, а то и близкими людьми оборачивается для современного человека непрерывным поиском выгодных/взаимовыгодных связей. Иллюстрацией апогея формы «Оно» можно назвать Джонни-мнемоника, утратившего человеческую природу, превратившегося в обычную флэш-карту.

Картина «Джонни-мнемоник» есть лишь фантастика, экранизированный киберпанк. Вместе с тем, отношение к Другому лишь как к источнику информации распространяется в ситуации общения в современном мире. Ты превращается в Он/Она или Оно Общение выгодно только в том случае, если Он/Она информацией обладают, в противном случае Они не интересны. Эту ситуацию можно описать формулой: знаешь/готов поделиться информацией – Ты мне интересен; не знаешь – информацию добывай, не можешь/не желаешь получить информацию – Он/Она мне не интересны.

У Д. Кампера мы встречаем следующие строки:

Три, два, один, нуль

Пространство, поверхность, линия, точка

Тело, образ, письмо, время

Чувство, видение, чтение, вычисление [9, с. 78].

И далее: «Когда всё доставлено в точку и, наконец, перекодировано человеческим опытом от буквального к числовому мышлению, страдающее и действующее человечество попадает в ничто. В таком случае в непреодолимом соотношении сталкиваются лишённый мира дух (человек) с бездушным телом (землей) – это “вершина” и конец картезианства» [9, с. 78-79]. Что стоит прочесть нам в строках философа-маргинала? Наверное, то, что XXI в. следует признать результатом прогресса, кирпичи в основании которого были заложены ещё рационалистической мыслью XVII в. В этом рационализме движение идёт от пространства к точке, от полноты к пустоте, от бытия к небытию. Из фантастических трансгуманистических сюжетов мы берём весьма сомнительные образы [7] растворившихся в информации людей («Люси», «Превосходство»). Всё же обращаясь к реальности, мы обращаемся к реальным людям, нарушившим гармонию паритета между телом и духом, желанием и мыслью.

Наладить гармонию с внешним миром и собой современный человек может. Но в одиночку преодолеть рассмотренные эффекты медиа способен не каждый. Поэтому приоритетное значение обретает поиск путей гармонизации общения в эпоху сетевых медиа.

Анализ современной медиареальности показывает, что наиболее «дефицитными» могут выступать эмоциональные и деятельностно-волевые компоненты общения. Коммуникативная ситуация, характеризующая внешние условия общения, определяет и набор коммуникативных качеств, требуемых для реализации потребности в общении. Коммуникативная ситуация учитывает доминанты потребности в общении и менее насущные, но тем не менее необходимые слагаемые означенной потребности. На этом уровне анализа можно

приблизительно определить субъектные детерминанты предпочтений того или иного коммуникативно-компенсаторного русла.

Социальные и психологические «барьеры», усиливающиеся в современных деловых и частных контактах, предъявляют повышенные требования к наличию у личности *разумной активности в общении*. Эта активность не обескураживается неудачами в общении, неуспехом. При этом вектор коммуникативной активности может иметь два направления: на себя и на Другого. В случае направленности на себя восполнение недостающего общения происходит в контексте потребления, с преобладанием потребления над деятельностью составляющей общения. Такая ориентация наиболее свойственна людям с гиперфункцией уровня эмоционального контроля базальной эмоциональной регуляции. «Огромная потребность общения делает субъекта неизбирательным в контактах. Входя в любое случайное сообщество, он стремится извлечь из ситуации контакта максимальное удовольствие, почувствовать одобрение, симпатию всех его членов. Он легко заражается эмоциональным состоянием других и начинает подражать им. В то же время, попадая под новое влияние, он проявляет такую же внушаемость и так же легко и искренне соглашается, обещает и вызывает сочувствие. Понятно, что обещаний он, конечно, не выполняет. Формируется характерный тип дефицитарности поведения: не проявляя последовательности и настойчивости в осуществлении каких-либо собственных целей, субъект действует всегда соответственно непосредственной эмоциональной оценке окружения» [11, с. 54-55]. Несмотря на то, что исследование В.В. Лебединской посвящено изучению эмоциональных нарушений в детском возрасте, оно может быть экстраполировано и на иные возрастные группы. Для человека в представленном компенсаторном формате важен сиюминутный факт получения эмоционального подкрепления. Прежде подросток получал это подкрепление, становясь членом малых социальных групп, субкультур. Некоторые из них существуют и сегодня, другие – образовались на обломках предыдущих. Таким стал косплей, члены движения которого обретают себя, не странных и ненормальных, а таких, какие они есть, в обществе себе подобных [16]. Это благостное выражение компенсации. Обратном эффектом выступает непрерывное ожидание эмоциональной поддержки, что оборачивается для Homo Media, например, постоянным обновлением странички своего профиля в социальной сети в ожидании непреходящего сообщения или сменой информации в профилях «друзей».

Избирательность в общении – следующее требование к индивидуальной культуре общения. Оно

теснейшим образом связано с *ответственностью в общении*. Чувство ответственности перед Ты, Мы, перед собственным Я должно предшествовать избранию круга, содержания, стиля общения. «Быть ответственным, – писал В.Л. Франкл, – значит быть селективным, быть избирательным» [20, с. 39].

На необходимость выбора оптимального круга общения обращал внимание ещё Аристотель, который применительно к дружеским контактам писал: «Если друзей много, то трудно каждому в отдельности уделять любовь» [1, с. 373-374]. Ещё более категорично мысль о плодотворности для личности сокращения излишних контактов, о целесообразности преднамеренного избегания множественности межличностных связей выразил В.В. Розанов: «Общество, окружающие убавляют душу, а не прибавляют. “Прибавляет” только теснейшая и редкая симпатия, “душа в душу” и “один ум”. Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает. И ищи её. А толпы бегай или осторожно обходи её» [17, с. 88]. В этом высказывании верно отмечено, ориентируясь на множественность контактов, человек лишь растрчивает себя, а обретает по-настоящему только в редкостных отношениях, которые представляют собой особый труд души.

При этом следует отличать целенаправленное, рационально обусловленное сужение круга общения от вынужденного, навязанного личности индивидуальными особенностями развития её эмоциональной сферы. Если в первом случае субъект общения не тяготится ограничением круга общения, ибо оно осуществлено на основе свободного выбора, то во втором возникает амбивалентность коммуникативных переживаний личности. Так, при ослаблении функций эмоциональной регуляции на уровне эмоционального контроля личность избегает общения в силу испытываемого в процессе его осуществления дискомфорта. В ситуации общения подобный субъект «не может противиться аффективному давлению другого человека, не может отказать ему и платит за это чувством истощения, усталости, жертвует своими сенсорными предпочтениями» [11, с. 64]. При этом «подобные люди обычно испытывают потребность в общении и часто нарушают благоразумное правило избегания, что даёт им особую неровность в контакте» [11, с. 64]. Таким является общения молодых людей в Интернете, когда они теряют нити регуляции своего времени, превращаются в «пленников» общения, опосредованного техникой. Одним из следствий такого положения в сфере общения и способов его компенсации могут быть «отвлечённые эмоциональные интересы», в том числе, разви-

тие иллюзорных способов компенсации на уровне аутокоммуникации: бесплодные мечты, фантазии, квазиобщение в разнообразных его проявлениях.

Выбор в случае необходимости коммуникативно-компенсаторного русла обусловлен рядом других психологических особенностей личности и доминирующими на их основе формами поведения. Характерными в указанном отношении являются такие формы поведения, как нарциссизм и конформизм.

«Лица с нарциссическим нарушением поведения, – отмечают Ц.П. Короленко и Т.А. Донских, – характеризуются грандиозным чувством собственной значимости. Для них типично постоянное преувеличение своих способностей, успехов, подчёркивание своей талантливости, что демонстрируется перед знакомыми, друзьями, коллегами, близкими. Они нуждаются в комплиментах, частых подтверждениях своей исключительности, превосходства в знаниях, достижениях, даже если последние малозначимы» [10, с. 189]. Кажется, что Instagram и был создан с целью пестования нарциссами самих же себя.

Любопытно, что гипертрофированная ориентация на грандиозный успех делает реальные достижения малопривлекательными, не доставляющими радости. Окружающие сами по себе не вызывают интереса, чувства симпатии, часто служат объектами манипулирования для подтверждения чрезвычайно завышенной самооценки. Отсюда наибольшее предпочтение в общении оказывается подхалимам, лживым, бесхарактерным людям, конформистам. Т.е. тем, кто позволяет осуществлять такое манипулирование. Сказанное делает вполне объяснимым тяготение нарциссической личности к иллюзорным формам самоутверждения и сверхкомпенсации посредством общения. Ибо и сам по себе «нарциссизм, – по мнению Э. Фромма, – это избыточная компенсация за недостаточность любви к себе» [21, с. 104]. Компенсация подчас довольно агрессивна. Особенно очевидно это на стадии декомпенсации (угасающей компенсации), сопровождающейся взрывами нарциссической агрессии по отношению к окружающим, не подтверждающим грандиозный «сэлф» субъекта нарциссического поведения. В кризисных ситуациях эта агрессия может быть направлена субъектом и на самого себя, создавая возможность суицидального поведения.

Высокий темп изменений условий общения, создаваемый современной коммуникативной ситуацией, требует от личности значительной *коммуникативной мобильности*, вариативности коммуникативного поведения, способности быстро и эффективно переходить, например, от функционально-ролевых контактов к личностно-ориентированным.

Исходя из признания тотальной гетерогенности современного общества, зачастую сопровождаемой взрывами разрушающей его нетерпимости к любым проявлениям инаковости, важнейшей составляющей индивидуальной культуры общения следует признать *толерантность в общении*. Между тем толерантность и толерантности рознь. Нельзя не согласиться с тем, что сегодня существуют различные концепции толерантности и соответствующая им практика реальных отношений. В.А. Лекторский, например, анализирует четыре модели толерантности: «толерантность как безразличие», «толерантность как невозможность взаимопонимания», «толерантность как снисхождение» и «толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог» [12, с. 19-31]. Лишь последний вариант толерантности в общении содержит в себе интенцию к реальной сверхкомпенсации, ибо толерантность в этом случае «выступает как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций (и даже в некоторых случаях изменение индивидуальной и культурной идентичности) в результате «критического диалога».

Преодолевать барьеры в общении позволяет не только коммуникативная активность, толерантность в общении, но и *коммуникативная привлекательность субъекта*, делающая его желательным партнёром по общению. Следует различать привлекательность, проявляющуюся в кратковременных отношениях и в отношениях долговременных. В зависимости от успешности в эмоциональных, интеллектуально-гностических и деятельностно-волевых контактах привлекательность в общении может проявляться на указанных уровнях при преобладании какого-либо из них. Отмеченные особенности привлекательности в общении делают сложной её однозначную оценку. Доминирование какого-либо из моментов, составляющих коммуникативную привлекательность, сказывается на выборе направления коммуникативно-компенсаторных связей. Можно предположить, что лёгкость и успешность установления поверхностных, ни к чему не обязывающих контактов при одновременном затруднении в поддержании и углублении долговременных, индивидуализированных отношений формирует тип своеобразного спринтера в общении. Его привлекательности и обаяния хватает ненадолго. Чем сильнее первое впечатление, тем быстрее оно рассеивается при близком знакомстве. Спринтер знает об этом, испытывает разочарование от постоянных поражений в долговременных отношениях и начинает избегать их. Доминирование стремления производить благоприятное впечатление делает «спринтера» нераз-

борчивым в контактах. Поиск всё новых и новых источников ощущений легко включает его в сферу вторичной компенсации, жажда подтверждения собственной значимости толкает его на путь иллюзорной сверхкомпенсации средствами общения.

Надо сказать, что коммуникативная привлекательность в определённой мере есть производная от внешней привлекательности индивидуума. Особенно важное значение внешняя привлекательность играет на первых этапах установления контакта. Наблюдения свидетельствуют «о существовании стереотипа «красивый значит хороший», в то же время «людей с физическими недостатками стигматизируют, приписывая им различные пороки» [5, с. 48]. Отмеченные стереотипы не являются непреодолимыми и могут быть развеяны, но при условии преобладания интеллектуального общения над эмоциональным или развитости его деятельностной составляющей. Однако в определённых ситуациях и для определённого контингента эмоциональные компоненты и эмоциональные оценки могут быть достаточно прочными. Затруднения в полноценном общении вызываются косметическими дефектами, ожирением (особенно у детей и подростков), заиканием, многими хроническими болезнями [24, с. 212-221; 15, с. 235-240; 18, с. 26-35]. Часто вступлению в контакты с окружающими мешают не физические недостатки и косметические дефекты сами по себе (это происходит лишь в случаях патологического уродства), а собственное отношение к своей внешности у их носителя. Приписывая окружающим преувеличенное внимание к особенностям своей внешности, а по сути дела, проецируя на них собственные переживания, личность строит своё коммуникативное поведение в соответствии с теми реакциями, которые предполагает у вступающих с ней в контакт. Возникающий на основе предвзятого отношения к собственной внешности комплекс различия выражается в неадекватном коммуникативном поведении личности, которое как раз и обращает на себя внимание. Препятствием в установлении контактов с окружающими выступает не внешность как таковая, а коммуникативное поведение лица, обладающего физическими недостатками и косметическими дефектами.

Не имеющий коммуникативной привлекательности вытесняется из престижных, а часто и из вполне заурядных условий общения или занимает в них подчинённую роль. Он просто не выдерживает конкуренции с более привлекательными. Отсюда весьма актуальной становится проблема «оттеснённых» как особой категории, охватывающей не только учащихся, как это часто принято считать,

но и другие возрастные и профессиональные категории. Например, всероссийскую известность получила история школьника Степана Савельева, одноклассники которого не понимали и не принимали из-за детскости его взглядов и увлечений. Мама Степана разместила пост ВКонтакте, в котором попросила пользователей социальной сети поддержать её сына. Как результат, Степан сегодня – самый популярный держатель аккаунта ВКонтакте [14]. Не имеющий коммуникативной привлекательности мальчик сумел получить популярность в среде одноклассников, благодаря ситуации электронного общения, инициированного его близким.

Было бы ошибочным ограничиваться оценкой коммуникативной привлекательности на уровне лишь внешних данных субъекта. Коммуникативная привлекательность неотделима от *компетентности в общении*. Компетентность в общении требуется и на эмоциональном, и на интеллектуальном, и на деятельностном уровнях. Субъективные трудности в установлении межличностных контактов возникают у лиц с неразвитой социальной перцепцией. Неспособность правильно оценить состояние партнёра и его позицию в данном акте коммуникации для выбора соответствующей линии коммуникативного поведения может выступать как фактор разобщения личности с её непосредственным бытовым и производственным окружением. Наличие иррациональных компонентов в результате взаимного отражения коммуникантами друг друга облегчает возникновение иллюзорно-компенсаторной коммуникации.

Мы умышленно постоянно останавливались преимущественно на таких субъективных детерминантах коммуникативно-компенсаторных процессов, которые определяют приобщение к нежелательным формам компенсации. Это обуславливалось следующими причинами. Они вызывают наибольшую заботу, характеризуются зачастую отрицательным влиянием на развитие и творческую самореализацию личности. Но не следует забывать о том, что ни одна форма общения сегодня невозможна без языка.

У М. Хайдеггера мы обнаруживаем следующие строки: «Язык, всё равно, говорят ли, молчат ли на нём, – это первое и самое широкое очеловечение сущего. Но именно он же и наизначальнейшее обезчеловечивание человека в качестве личного живого существа, «субъекта» и всего, что бывало доселе. А тем самым основоположение и здесь-бытия, и возможности обезчеловечивания сущего» [22]. Согласно М. Хайдеггеру язык есть то, что, с одной стороны, делает человека человеком, но с другой – превращает этого сделанного чело-

века в безликое Оно, «субъекта», Das Man. Вместе с тем, без языка невозможно становление Dasein. М. Хайдеггер пишет далее: «Язык основывается внутри молчания» [22]. Но молчание вербально невыразимо, наша мысль невыразима до тех пор, пока она не обретёт языковую форму. Только тогда человек протянет нить к Другому, только тогда он достигнет Другого и создаст поле общения. Только посредством языка возможно общение между людьми. Язык – это то, что создаёт условия для общения; то, что овеществляет общение, соединяя потерянных в молчании людей. Следуя за М. Хайдеггером, мы приходим к интересному выводу: «Вещь веществует. Веществуя, она удерживает в их пребывании землю и небо, божественных и смертных; удерживая их в их пребывании, вещь сближает эту четверицу – каждая сторона в своей дали. Сближать – значит приближать. Приближать – вот сущность близи. Близость приближает далёкое, притом как далёкое. Близость хранит даль. Храня даль, близи бытийствует, приближая. Так приближая, близи сама сокращается и так, способом, какой подобает ей, остаётся ближе всего» [22].

Овеществлённый язык приближает людей друг к другу, сближает их. Только близи формирует ситуацию общения. Но и только даль обозначает необходимость близи. Только близи устраняет расстояние между людьми. Но и только даль формирует это расстояние, обозначая необходимость его преодоления. Только близи делает людей близкими. Но и только даль указывает на близость людей не снаружи, а изнутри. По М. Хайдеггеру, четыре основания лежат в основе мира – земля и небо, божественные и смертные. Эти четыре основания разделены. Но вне другого ни одно из этих оснований существовать не способно. Вот что он пишет: «Земля и небо, божественные и смертные – они, от самих себя единые в своём склонении друг к другу, сопринадлежат друг другу изнутри простосложенности четверицы. Каждая из четырёх сторон по-своему отражает сущности остальных трёх. Каждая отражается притом вовнутрь своей своебытности в пределах простосложенности четырёх. Такое отражение не отображает отражённый образ. Отражение избывает, просветляя каждую сторону расчётверённости, своебытную сущность их, приводя её в простосложенность совместной сбытности в склонении их друг к другу. Так, по способу избывающего просветления, отражаясь, каждая сторона расчётверённости доносит себя до каждой из остальных. Избывающееся отражение высвобождает каждую сторону расчётверённости для её своебытности, однако связывает высвобождённых простосложенностью их сущностно-го склонения друг к другу» [22].

Не разделяя полностью позицию М. Хайдеггера по вопросу общения, уместно задуматься, чем могут помочь нам в контексте нашего исследования предложенные тезисы. Во-первых, по М. Хайдеггеру, человек является заброшенным существом [22]. Заброшенность обуславливает непреодолимое одиночество человека. Человек пришёл одиноким в этот мир. Нет гармоничного слияния с миром или Другим, конкретным представителем этого мира. Заброшенность обрекает субъекта на одиночество, но вне Другого он не может стать человеком. Так мы можем обосновать необходимость общения. Во-вторых, отношения между Я и Другим могут быть проанализированы в диалектике близи и дали. Экзистенциальная необходимость общения обуславливает «перевод» Другого из дальнего в ближнего. Невозможно общения в дали – Я и Другой разделены. Но и невозможно общение в близи – Я и Другой слиты. Поэтому, в-третьих, М. Хайдеггер не говорит о слиянии противоположностей, он утверждает их «склонение» друг к другу, «сопринадлежность», что обуславливает не идентичность их друг другу, а «своебытность». Гармония Я и Другого выстраивается на достижение Я Другого, что есть не слияние с Другим, а постижение самого себя как результата общения. Но для того, чтобы это постижение произошло, Я и Другому необходимо говорить на одном языке. Не на том лингвистическом языке, конгломерат которых составляет языковые группы, а на том экзистенциальном языке, который способен преодолеть пропасть между Я и Другим, обернувшись Ты.

В заключение нашего исследования следует отметить: эпоха сетевых медиа привнесла «новые» формы и «новые» форматы в общение. Многие из них (к примеру, социальные сети, электронная почта, мгновенные сообщения и комментарии на сайтах) значительно сократили пространство между Я и Другим. Для формирования ситуации общения

сегодня не обязательно находиться «лицом к лицу» со своим собеседником. Хотя эта форма общения по-прежнему является базовой и её расширение происходило издревле вместе с развитием средств общения (письменность, телефонная связь, телевидение и пр.). Эти средства сделали информационную связь людей весьма эффективной, расширили круг потенциально общающихся. Вместе с тем, эпоха новых медиа привнесла свои правила в игру общения. Общение посредством Интернета обезличилось. За экраном монитора растворилась уникальная личность, речи которой «Я» готово внимать с упоением. Это анонимный «Некто» или даже «Нечто», наделённые сетью кодовым именем и аватаром. Общение с этим «Некто» может быть начато и прекращено в любой момент. Оно не требует серьёзных эмоциональных усилий, экзистенциальных затрат. Подобное общение не задействует работу человеческой души. Проблема кроется в том, что относясь к Другому, как и ко всему миру, как к Оно, человек сам превращается в Оно (М. Хайдеггер). Проблема угрозы утраты человеком своей экзистенциальной природы очень остро стоит сегодня в дискурсе медиафилософии. Поэтому в своей статье мы попытались отразить коммуникативные требования, предъявляемые «новой» реальностью к человеку, вступающему в ситуацию общения.

Основным результатом исследования является выделение коммуникативных требований, предъявляемых современностью к человеку, попадающему в ситуацию общения. Среди них следует обозначить: эмоциональное подкрепление; избирательность в общении; преодоление нарциссизма и конформизма; толерантность в общении; коммуникативная активность и привлекательность субъекта общения; компетентность в общении. Выполнение этих требований, согласно нашей позиции, способно гармонизировать бытие современного человека.

Список литературы:

1. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Бородин П.А. К вопросу об основных ценностях в культуре общения // Альманах современной науки и образования. 2012. № 4. С. 37-40.
3. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 16-92
4. Гладышев В.И., Кузнецова А.В. Компенсаторное общение человека с природой как способ смягчения одиночества // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). С. 65-75.
5. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 120 с.
6. Гредновская Е.В., Пеннер Р.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 56-60.
7. Дыдров А.А. Человек бессмертный: религиозная фикция или будущее науки? // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 76-79.
8. Зоркая Н.М. Уникальное и тиражированное. М.: Искусство, 1981. 167 с.
9. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: сб. ст. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.

10. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990. С. 5-17.
11. Лебединская В.В. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 54-55.
12. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 19-31.
13. Мамардашвили М.К. Философия и личность // Выступление на Методологическом семинаре сектора философских проблем психологии Института психологии РАН 3 марта 1977 г. ЧЕЛОВЕК. М., 1994. № 5. С. 5-19.
14. Московского школьника завалили лайками во «ВКонтакте» после поста его мамы [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/19/like/> (дата обращения: 05.05.2016).
15. Панферов В.Н. О роли внешности в регуляции отношений // Человек и общество. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Вып. III. С. 235-240.
16. Пеннер Р.В. De re ad absurdum: проблема идентичности человека в феномене косплея (онто-антропологический анализ) // Социум и власть. 2016. № 3. С. 117-123.
17. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 387 с.
18. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989. 210 с.
19. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990. С. 370.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 266 с.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 256 с.
22. Хайдеггер, М. Вещь [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/> (дата обращения: 02.07.2016).
23. Хайдеггер М. Отрешённость // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.
24. Шафранская К.Д. Психологические трудности общения лиц с косметическими дефектами // Психология межличностного познания. М.: Педагогика, 1981. С. 212-221.
25. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Т. 9. № 5.

References (transliterated):

1. Aristotel'. Bol'shaya etika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. T. 4. М.: Mysl', 1984. 830 s.
2. Borodin P.A. K voprosu ob osnovnykh tsennostyakh v kul'ture obshcheniya // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2012. № 4. S. 37-40.
3. Buber M. Ya i Ty // Buber M. Dva obraza very. М.: Respublika, 1995. S. 16-92.
4. Gladyshev V.I., Kuznetsova A.V. Kompensatornoe obshchenie cheloveka s prirodoj kak sposob smyagcheniya odinochestva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 17 (346). S. 65-75.
5. Gozman L.Ya. Psikhologiya emotsional'nykh otnoshenii. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 120 с.
6. Grednovskaya E.V., Penner R.V. Problema podlinnosti sushchestvovaniya cheloveka v diskursakh ekzistentsializma i postmodernizma // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2015. Т. 15. № 3. S. 56-60.
7. Dydrov A.A. Chelovek bessmertnyi: religioznaya fiktsiya ili budushchee nauki? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 391. S. 76-79.
8. Zorkaya N.M. Unikal'noe i tirazhirovanное. М.: Iskusstvo, 1981. 167 s.
9. Kamper D. Telo. Nasilie. Bol': sb. st. SPb.: Изд-во Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2010. 174 s.
10. Korolenko Ts.P., Donskikh T.A. Sem' putej k katastrofe: Destruktivnoe povedenie v sovremennom mire. Novosibirsk: Nauka, 1990. S. 5-17.
11. Lebedinskaya V.V. Emotsional'nye narusheniya v detskom vozraste i ikh korrektsiya. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. S. 54-55.
12. Lektorskii V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. М.: Editorial URSS, 2001. S. 19-31.
13. Mamardashvili M.K. Filosofiya i lichnost' // Vystuplenie na Metodologicheskom seminarе sektora filosofskikh problem psikhologii Instituta psikhologii RAN 3 marta 1977 g. CHELOVEK. М., 1994. № 5. S. 5-19.
14. Moskovskogo shkol'nika zavalili laikami vo «VKontakte» после поста его мамы [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/19/like/> (data obrashcheniya: 05.05.2016).
15. Panferov V.N. O roli vneshnosti v regulyatsii otnoshenii // Chelovek i obshchestvo. L.: Изд-во LGU, 1968. Vyp. III. S. 235-240.
16. Penner R.V. De re ad absurdum: problema identichnosti cheloveka v fenomene kospleya (onto-antropologicheskii analiz) // Sotsium i vlast'. 2016. № 3. S. 117-123.
17. Rozanov V.V. Opavshie list'ya. Korob pervyi // Rozanov V.V. Uedinennoe. М.: Politizdat, 1990. 387 s.
18. Sokolova E.T. Samosoznanie i samoosnka pri anomal'yakh lichnosti. М.: Изд-во MGU, 1989. 210 с.
19. Frank S.L. Nepostizhimoе. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii // Frank S.L. Soch. М.: Pravda, 1990. S. 370.
20. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. М.: Progress, 1990. 266 s.
21. Fromm E. Begstvo ot svobody. М.: Progress, 1989. 256 s.
22. Khaidegger M. Veshch' [Elektronnyi resurs]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/> (data obrashcheniya: 02.07.2016).
23. Khaidegger M. Otreshennost' // Khaidegger M. Razgovor na proselochnoi doroge. М.: Vyssh. shk., 1991. 192 s.
24. Shafranskaya K.D. Psikhologicheskie trudnosti obshcheniya lits s kosmeticheskimi defektami // Psikhologiya mezhlchnostnogo poznaniya. М.: Pedagogika, 1981. S. 212-221.
25. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Т. 9. № 5.